

УДК 94(571)+910.4:39(09)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.47.5>

Труды и материалы Г. И. Новицкого, И. Б. Мюллера и В. Ф. Зуева в истории изучения народов Сибири: проблемы, дискуссии, новые данные и интерпретации

И. А. Шипилов*

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Проведен сравнительный анализ описаний хантов и манси, выполненных миссионерами Г. И. Новицким и И. Б. Мюллером в первой четверти XVIII в., и научного этнографического труда участника сибирской экспедиции академика П. С. Палласа 1768–1774 гг. В. Ф. Зуева. Сделан вывод о тематических и фактических пересечениях описаний миссионеров, которые при этом являются авторскими и самостоятельными сочинениями. Доказана оригинальность и ценность работы В. Ф. Зуева как источника для изучения этнографии нижнеобских хантов и ненцев в начале 1770-х гг.

Ключевые слова: история изучения народов Сибири XVIII в., миссионерские и научные экспедиции, ханты, манси, ненцы, И. Б. Мюллер, Г. И. Новицкий, В. Ф. Зуев, П. С. Паллас.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке проекта по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

Для цитирования: Шипилов И. А. Труды и материалы Г. И. Новицкого, И. Б. Мюллера и В. Ф. Зуева в истории изучения народов Сибири: проблемы, дискуссии, новые данные и интерпретации // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2024. Т. 47. С. 5–14. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.47.5>

Original article

The Works and Materials of G. I. Novitsky, J. B. Müller and V. F. Zuev in the History of the Study of the Peoples of Siberia: Problems, Discussions, New Data and Interpretations

I. A. Shipilov*

Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. A comparative analysis of the Khanty and Mansi descriptions, made by missionaries G. I. Novitsky and J. B. Müller in the first quarter of the 18th century, and the scientific ethnographic work of V. F. Zuev, a participant academician P. S. Pallas's expedition in the Siberian of 1768–1774, was carried out. The conclusion is made about the thematic and actual intersections of the descrip-

tions of the missionaries, which at the same time are author's and independent works. The originality and value of V. F. Zuev's work as a source for studying the ethnography of the Nizhneobsky Khanty and Nenets in the early 1770s is proved.

Keywords: history of the study Siberian peoples in the 18th century, missionary and scientific expeditions, Khanty, Mansi, Nenets, J. B. Müller, G. I. Novitsky, V. F. Zuev, P. S. Pallas.

For citation: Shipilov I.A. The Works and Materials of G. I. Novitsky, J. B. Müller and V. F. Zuev in the History of the Study of the Peoples of Siberia: Problems, Discussions, New Data and Interpretations. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2024, vol. 47, pp. 5-14. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.47.5> (in Russian)

XVIII в. открывает новую страницу в истории изучения народов Сибири, связанную с осуществлением планомерных и всесторонних научных исследований региона российскими экспедициями различного масштаба и характера. В первые два десятилетия XVIII в. основными поставщиками сведений о сибирских аборигенах были геодезисты, военные и миссионеры. В продолжение изучаемого столетия сбор этнографической информации и научные труды о коренных народах Сибири выполнили участники академических и правительственных экспедиций.

Особый статус миссионерских экспедиций детерминировал противоречивость оценок в научной историографии трудов и материалов их участников. Не являются исключениями описания миссионеров Г. И. Новицкого и И. Б. Мюллера (Миллера), составленные в путешествиях 1712–1715 гг. под предводительством митрополита Тобольского и Сибирского Филофея (Лещинского) к обским уграм (хантам и манси) Тобольского уезда.

Некоторые исследователи называют Новицкого автором первой научной монографии, посвященной народам Сибири [15, с. 76–78]. Другие ученые полагают, что первые научные труды по этнографии Сибири были выполнены участниками академических и правительственных экспедиций [13; 17; 18]. Однако одной из главных научных проблем является соотношение «Краткого описания о народе остячком» Г. И. Новицкого [11] с «Жизнью и обычаями остяков...» И. Б. Мюллера [9]. В научной литературе длительное время превалировало мнение Л. Н. Майкова, изложенное им в предисловии к первому изданию сочинения Новицкого 1884 г. Согласно этой точке зрения, единственным оригинальным источником по этнографии остяков (хантов и манси) первой четверти XVIII в. является труд Новицкого, а работа Мюллера – его немецкоязычной копией или пересказом [5, с. 95–97; 15, с. 76–78]). В конце XX – начале XXI в. ряд ученых выдвинули предположение о взаимосвязанности, но при этом самостоятельности текстов миссионеров [3, с. 21–23; 9, Введение; 13, с. 124].

Новая волна в данном историографическом дискурсе связана с исследованиями А. В. Бауло, который вовлек в него «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов» В. Ф. Зуева [7], участвовавшего в экспедиции академика П. С. Палласа. «Описание» подготовлено Зуевым в 1773 г. по результатам его поездки 1771–1772 г. на север Сибири. Выводы А. В. Бауло следующие: 1) оригинальным источником по обско-угорской этнографии XVIII в. является только работа Новицкого, из рукописи которой сведения для своей публикации

1720 г. скопировал Мюллер, откуда информацию заимствовал Зуев; 2) сообщения Зуева о религиозно-обрядовой практике нельзя относить к обдорским осяткам и датировать началом 1770-х гг., поскольку в их основе лежат материалы Новицкого 1712–1715 гг. об осятках Среднего Приобья и кондинских вогулах; 3) труды последней четверти XVIII в. академиков П. С. Палласа и И. Г. Георги, основанные на работе Зуева, а также описания Ф. И. Белявского, Н. А. Абрамова и других авторов первой половины XIX в., скрыто цитирующих своих предшественников, не могут считаться оригинальными источниками по обрядово-культурной практике обских угров [1; 2].

В данной работе на основе сравнительного анализа трудов Новицкого, Мюллера и Зуева, источников и научной литературы по истории миссионерских и академических экспедиций в Сибирь попытаемся внести ясность в описанный выше историографический дискурс.

Описания Г. И. Новицкого и И. Б. Мюллера подготовлены с применением элементов научного подхода в сборе, анализе и изложении сведений о хантах, манси и их соседях по Западной Сибири, но в полной мере научными трудами не являются. В период миссионерских экспедиций архипастыря Филофея этнографии как самостоятельной науки еще не существовало, а Г. И. Новицкий и И. Б. Мюллер профессиональными учеными не были. Украинский казачий офицер Новицкий, получивший образование в Киево-могилянской академии, в 1708 г. был сослан в Тобольск за поддержку гетмана И. С. Мазепы, перешедшего на сторону шведского короля Карла XII. Капитан шведской армии И. Б. Мюллер, имевший немецкое происхождение и европейское образование, попал в сибирскую столицу того времени после Полтавского сражения 1709 г. в числе многочисленных военнопленных.

Корреляция между работами Новицкого и Мюллера вполне естественна и обусловлена тем, что они участвовали в одной миссионерской кампании, общались друг с другом и обменивались информацией. В их описаниях освещен сложный процесс христианизации аборигенов Среднего и Нижнего Приобья. Основное содержание обоих трудов составили сведения, полученные из непосредственных наблюдений и опросов, об иртышских, кондинских, обских осятках (хантах, селькупах) и вогулах (манси). Для истории изучения названных этносов особую ценность имеют сообщения миссионеров о миграции угров с пермяками из Предуралья в Приобье в XIV в., вызванной массовой христианизацией местного населения Восточно-Европейской равнины епископом Стефаном Пермским. Также труды Новицкого и Мюллера содержат уникальные описания идолов массового поклонения и святилищ осятков, многие из которых были уничтожены уже во время поездок Филофея [9; 11]. Следовательно, работы миссионеров являются первоисточниками для изучения исторической эволюции хантыйского пантеона, обрядово-культурной практики и служителях их культа – «жрецах» (профессиональных шаманах) [10, с. 173]. Также Новицким и Мюллером были описаны древние компоненты осятской материальной культуры – одежда из крапивы и рыбьих кож, жилища-полуземлянки, предметы вооружения, которые в это время еще были в широком употреблении, а затем, с усилением русского влияния, стали использоваться все реже [9; 11, с. 59–60].

Сравнительный анализ содержания, истории создания, стиля, смысловых акцентов монографий Новицкого и Мюллера позволяет констатировать их авторскую независимость. Основное содержание «Краткого описания о народе остяцком», подготовленного Новицким в 1715 г., а впервые опубликованном лишь в 1884 г., посвящено событиям 1713–1715 гг. [11] Основой для сочинения Мюллера [9] послужили материалы миссионерской поездки 1712 г., в которой, как утверждает Е. М. Главацкая, Новицкий не принимал участия [3, с. 22]. Работе Новицкого присущи элементы научного исследования, но в общем она выполнена в стилистике русской средневековой книжности. В описании украинского казака, как и в материалах землепроходцев, имеется пространное обращение к патрону – сибирскому губернатору М. П. Гагарину. Авторский стиль малороссиянина характеризует назидательная и высокопарная риторика, гипертрофированно осудительная лексика в известиях о традиционных верованиях аборигенов. Значительное место в его описании занимает церковно-идеализирующая компонента в традициях русской апостольской агиографии [8, с. 351–352; 14, с. 222–223].

Как установили исследователи, текстуальные пересечения с описанием Новицкого имеют место в первых четырех главах труда Мюллера, а в 5–8-й – они отсутствуют [9, Введение]. Рукопись работы Мюллера, по свидетельству другого тобольского пленного шведа и самобытного исследователя Сибири Ф. И. Страленберга, была закончена уже в 1714 г. [5, с. 76], т. е. за год до завершения труда Новицкого. Образ жизни и традиционные обряды хантов и манси интерпретированы Мюллером как «дикие», но описаны в более сдержанных характеристиках. Пленным шведским офицером использована научная дихотомия эпохи Просвещения «цивилизация – варварство» [9], которая не применялась Новицким. Работа Мюллера уступает в объеме сочинению его коллеги, но дополняет последнее информацией о географии и природе северных территорий Западной Сибири и Урала, этнолингвистическими данными, историко-этнографическими сведениями и параллелями с населением Швеции и Европы. Показательно расхождение миссионеров в количественных данных о крещенных аборигенах. Мюллер в традициях Нового времени свой труд посвятил российской царствующей семье и лично супруге императора Петра I Екатерине Алексеевне. После первой публикации в Берлине в 1720 г. описание Мюллера в течение XVIII в. было переведено на основные европейские языки [9, Введение]. Таким образом, его сочинение уже в то время прочно вошло в формирующуюся международную научную историографию изучения народов Сибири.

Сибирские труды и материалы Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера, П. С. Палласа, В. Ф. Зуева и других ученых-путешественников способствовали не только накоплению новых фактических данных и формированию системы все более точных и детальных знаний о коренном населении Сибири, но и маркировали оформление этнографии как науки в России [17]. Особая роль в этом процессе, как известно, принадлежала Г. Ф. Миллеру, который в ходе и по результатам Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) постулировал новую научную дисциплину – этнографию, занимающуюся сравнительным народоведением [18].

Академик П. С. Паллас и его ученик и помощник по сибирской экспедиции (1768–1774 гг.) студент академии наук В. Ф. Зуев, знавшие о теоретических разработках Г. Ф. Миллера, вели свои исследования в парадигме этнографии как науки и способствовали ее дальнейшему становлению и развитию. Уже этот факт демонстрирует некорректность вовлечения научного этнографического труда Зуева в дискурс с работами Новицкого и Мюллера. В ходе своей поездки по сибирской Арктике Зуев работал по детальным инструкциям Палласа, которые являлись научно-исследовательскими программами. В этих документах академик нацеливал своего ученика для получения эмпирических материалов применять методы непосредственного наблюдения и опроса с приоритетом первого, а при обработке и систематизации данных – использовать сравнительный подход, позволявший выявить этногенетические, лингвистические и культурные связи между народами. Научно-исследовательскую программу Палласа Зуев успешно реализовал в своем «Описании» остяков и самодийцев, выполненном в сравнительном ключе. Работу характеризует научный стиль изложения материала и отстраненно-научное отношение исследователя к объекту изучения [8, с. 353–355; 17, с. 275–294].

Выполненное А. В. Бауло [1–2] сравнение письменных сообщений Новицкого, Мюллера и Зуева об отдельных аспектах религиозно-обрядовой практики и присягах остяков на верность российскому государю представляется весьма избирательным и не позволяет установить корреляции между текстами названных путешественников. Исследователями установлено: во-первых, религиозные традиции этносов являются одним из самых консервативных элементов культуры и очень медленно эволюционируют; во-вторых, тексты шертовальных записей – присяг народов Сибири с рубежа XVII–XVIII в. были регламентированы, унифицированы и имели определенный формуляр, который оставался практически неизменным [3, с. 131–132; 6]. Следовательно, общая смысловая нагрузка во фрагментах описаний Новицкого, Мюллера и Зуева о шаманизме, обрядово-культурной практике и присягах хантов свидетельствует не о калькировании соответствующих сюжетов авторами друг у друга, а доказывает сохранение данных компонентов культуры и словесных формул с первой четверти XVIII в. до последней. При этом сообщения путешественников текстуально не идентичны и имеют значимые отличия.

Для установления межтекстовых взаимосвязей необходим не избирательный, а сплошной сравнительный анализ их содержания. Такое исследование показывает авторскую независимость работы В. Ф. Зуева от сочинений предшественников. Приведем характерные примеры. Этноним «остяки» Г. И. Новицкий производит от русского слова «останки», под которым понимает сохранившихся пермяков-идолопоклонников, бежавших от Стефана Пермского за Урал в XIV в., и «ости рыбные», т. е. остатки от рыбы – главной повседневной пищи народа. В описании Новицкого имеются указания на участие в этногенезе хантов и манси, исконных жителей Северного Приобья – чуди, а также татар [11, с. 39–40]. Мюллер дополняет своего коллегу мнением о финском происхождении остяков [9]. Впоследствии это мнение разделяли Ф. И. Страленберг, И. Э. Фишер и другие исследователи.

В. Ф. Зуев подтверждает участие в этно- и лингвогенезе хантов, манси и ненцев, древних обитателей Севера Западной Сибири, т. е. чуди и сиирты. Ссылаясь на Г. Ф. Миллера, помощник П. С. Палласа отрицает татарское происхождение указанных этносов. Завершая свои построения, Зуев приводит выдержки из мифов о происхождении остяков и самодийцев, полученные от аборигенных информантов. Согласно этим повествованиям родоначальниками названных этносов были братья Ваги, Хасава (Хазова) и Луца [7, с. 22–23], в именах которых закодированы финно-угры (ханты и манси), самодийцы и русские [4, с. 6, 162; 10, с. 393; 16, с. 47].

Сведения миссионеров о внешнем виде остяков ограничиваются указанием на невысокий или средний рост и пропорциональность фигуры, как у европейцев. Более точная антропологическая характеристика хантов в сравнении с антропосоматикой ненцев, о которых информация Новицкого и Мюллера сведена к минимуму, дана в работе Зуева. По описанию ученика Палласа, ханты «все росту малого, так что и средних редко найти можно, волосом же более светлорусые». Ненцы в основном «волосом черные и чернорусые», имеют большой рот, «губы толстые, нос к ноздрям широковатой, ноздри отворенные»; они «гораздо пропорциональнее, красивее и здоровее (а особенно пол женской), мускуловаты». Оба этноса, заключает Зуев, «обще же сходствуют между собою, что росту небольшого, лица смуглого, житья грубого». Однако, «рассмотря сих двух хорошенько, можно легко знать, которой остяк или самоедин» [7, с. 23].

Зуев в названии и основном тексте своей работы указывает, что он провел полевые этнографические исследования на севере Березовского уезда среди нижнеобских (обдорско-куноватских) хантов и тундровых ненцев [7]. Анализ содержания его труда не дает оснований для сомнений в географии и этнографии его научных работ. На побережье Обской губы основой хозяйства названных этносов, по сведениям Зуева, являлось оленеводство, а поголовье оленей – их главным богатством и показателем социального статуса. Вспомогательное значение для этноэкономик имели рыболовство, охота на зверей и птиц, которые детальнейшим образом описал путешественник [7, с. 32, 68]. Однако в целом, как отмечает Зуев, живущие полуоседло по Оби и ее притокам остяки являлись преимущественно рыболовами, а кочующие по северным тундрам самоеды – оленеводами и охотниками [7, с. 29–35, 85]. Как сообщает студент академии наук, для пошива одежды обоими народами Обдорской волости использовались шкуры оленей разных возрастов и периодов забоя, реже – других добытых на промысле зверей. Зуев зафиксировал многочисленные параллели в гардеробе аборигенов, прежде всего в мужских зимних костюмах, но также подчеркнул, что ханты, в отличие от ненцев, носили парку – легкое летнее и зимнее платье «из оленьей телячьей кожи вверх шерстью, с рукавицами и головою» [7, с. 24, 28]. Ханты и ненцы, по сведениям помощника Палласа, стали чаще покупать у русских холст и другие материалы для пошива рубах и халатов, и все меньше употреблять одежду из рыбьих кож и крапивы [7, с. 28, 85], которая имела широкое распространение во времена Новицкого и Мюллера [11, с. 41, 47–48].

В сравнении с описаниями миссионеров, научной новизной и информативностью отличаются следующие сообщения В. Ф. Зуева о семейно-брачной обрядности и социальной организации аборигенов севера Западной Сибири: 1) о значимой роли свата в свадебных переговорах и обрядах хантов и ненцев; 2) действию у обоих этносов норм патрилинейной, дуальной экзогамии, наличии кузенных, левиратных и сороратных браков; 3) существовании у хантов явления переходной матриликальности, обычая избегания между невесткой и тестем, зятем и тещей, свободы развода для женщин при возврате тестем калыма зятю; 4) широком распространении у березовских и обдорских остяков и самоедов большой патриархальной семьи [7, с. 60–61; 10, с. 593].

В работе Зуева показано значительное место в системе традиционных представлений хантов и ненцев, промыслового культа, культа предков и анимизма, с которыми главным образом связаны их языческие верования и шаманизм. Ученик Палласа во время посещения хантов уже не обнаружил у них профессиональных шаманов, которые существовали, когда к ним приезжали Новицкий и Мюллер. Зуев подчеркивал, что остяцкие шаманы не имели особых одеяний и атрибутов, а выделялись только своим поведением и суждениями [7, с. 44]. Будущий академик констатировал коллективную форму шаманизма у хантов, которая в результате массовой христианизации представителей этноса ко второй половине XVIII в. вытеснила из его культовой практики профессионалов [10, с. 172]. Ненецкие же шаманы, по его сообщениям, напротив, одевались в особое «платье суконное или ровдужное, к коему вокруг пришиты разные лоскутки суконные или кожаные, к рукавам и на спине привешаны железные цепи...» [7, с. 46].

Выполненное В. Ф. Зуевым сравнительное изучение нижеобских хантов и ненцев показывает, что в начале 1770-х гг. территориальные группы названных этносов, населявшие Обдорскую, Куноватскую и другие волости Березовского уезда (север Югры и Ямало-Ненецкий автономный округ), имели продолжительные взаимоотношения, этнолингвистические и межкультурные параллели, составляли единую историко-культурную общность. Более того, ученый-путешественник зафиксировал существование метисов остяков и самоедцев. Однако в целом ханты и ненцы, как справедливо считал Зуев, разные этносы как во внешнем виде и языках, так и в культуре [7, с. 21–22]. Ничего подобного Новицкий и Мюллер, путешествовавшие по более южным областям Тобольского уезда (Тюменской области и Ханты-Мансийскому автономному округу), не отмечали, но напротив, свидетельствовали о социокультурных взаимоотношениях местных хантов и манси с русскими, татарами, селькупам, калмыками [9; 11, с. 39].

Для миссионеров крещение сибирских аборигенов равнялось их просвещению. Зуев же считал, что просвещению должны способствовать образование, распространение наук и искусств, общение и межкультурный обмен между народами. Так, продолжительные и частые контакты с русскими обусловили большую цивилизованность хантов в сравнении с ненцами [7, с. 21–24].

В предисловии к своей работе В. Ф. Зуев посвятил ее научному руководителю П. С. Палласу. Он пишет, что будет счастлив, если академик поместит его труд в свои исследования [7, с. 19]. Учитель исполнил желание ученика и включил его материалы в третий том своего «Путешествия». Паллас поступил с «Описанием» Зуева не как публикатор, но как его первый исследователь. Академик не копирует сочинение своего ученика, но анализирует его, соотносит со своими наблюдениями, интерпретациями и выводами, сравнивает с известиями Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, И. И. Исленьева и других исследователей [12, с. 49–126]. Таким образом, Паллас ввел работу Зуева в научный оборот и историографию этнографического изучения Сибири того времени. Причем фундаментальные монографии П. С. Палласа и И. Г. Георги, в которых проанализированы сообщения Зуева, а также труды и материалы путешественников первой половины XIX в., где использованы и дополнены достижения предшественников, безусловно, являются оригинальными.

Проведенное исследование показывает взаимосвязь и в то же время авторскую независимость сочинений Г. И. Новицкого и И. Б. Мюллера, которые не являются научными монографиями, но имеют значение ценных источников для истории изучения хантов, манси и других народов южной и центральной частей Западной Сибири в 1712–1715 гг. Сравнительный межтекстовый анализ доказывает бесспорную оригинальность и независимость научного труда В. Ф. Зуева от работ миссионеров. Его описание основано на новых материалах, полученных в ходе путешествия на север Западной Сибири, выполненного по заданию П. С. Палласа в 1771–1772 гг. В работе Зуева репрезентирована этнографическая ситуация в пограничных областях Югры и Ямала в начале 1770-х гг., которую характеризует культурно-историческая общность нижнеобских хантов и тундровых ненцев. Сочинения миссионеров Г. И. Новицкого и И. Б. Мюллера, академиков В. Ф. Зуева, П. С. Палласа, И. Г. Георги, других участников академических и правительственных экспедиций XVIII – первой половины XIX в., с одной стороны, стали частью этнографической историографии Сибири, с другой – содержат уникальный фактический материал и являются ценными самостоятельными источниками для изучения истории сибирских народов и становления этнографии как науки.

Список литературы

1. Бауло А. В. «Синий туман, голубоватый дым» (к вопросу о письменных источниках XVIII в. по истории северных групп хантов и манси) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 53–63.
2. Бауло А. В. Заметки к дискуссии по этнографии обских угров // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 114–119.
3. Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард : РА АРТмедиа, 2005. 360 с.
4. Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург : Баско, 2010. 352 с.
5. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.
6. Зуев А. С., Слугина В. А. Шерги-присяги народов Сибири и севера Центральной Азии российскому монарху в конце XVI – начале XVIII в.: исследование и материалы. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2023. 560 с.

7. Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 96 с.
8. История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. М. : Языки славян. культуры, 2012. 608 с.
9. Мюллер И. Б. Нравы и обычаи остяков. Ханты-Мансийск : Ист. илл., 2003. [Без пагинации].
10. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М. : Наука, 2005. 804 с.
11. Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остячком: 1715. Новосибирск : Новосибгиз, 1941. 108 с.
12. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1788. Ч. 3, кн. 1. 634 с.
13. Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. СПб. : Нестор-история, 2019. 310 с.
14. Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. Т. 4 : Белоруссия и Сибирь. 488 с.
15. Токарев С. А. История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М. : Наука, 1966. 453 с.
16. Хелимский Е. А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.
17. Шупилов И. А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири. Новосибирск : СО РАН, 2023. 368 с.
18. Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

References

1. Baulo A.V. “*Sinij tuman, golubovatyj dym*” (*k voprosu o pis'mennykh istochnikakh XVIII v. po istorii severnykh grupp khantov i mansi*) [“Blue fog, bluish smoke” (on the question of written sources of the 18th century on the history of the northern groups of Khanty and Mansi)]. *Khanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Tomsk, Khanty-Mansijsk, 2009, vol. 7, pp. 53–63. (in Russian)
2. Baulo A. V. *Zametki k diskussii po etnografii obskikh ugrov* [Notes on The Ob Urgians Ethnography Debates]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2012, vol. 4 (37), pp. 114–119. (in Russian)
3. Glavatskaja E. M. *Religioznye traditsii khantov. XVII–XX vv.* [The religious traditions of the Khanty in 17th–20th]. Ekaterinburg, Salekhard, RA ARTmedia Publ., 2005, 360 p. (in Russian)
4. *Dialektologicheskij slovar nenetskogo jazyka* [Dialectological dictionary of the Nenets language]. Ekaterinburg, Basko Publ., 2010. 352 p. (in Russian)
5. Zinner E. P. *Sibir' v izvestijakh zapadnoevropejskikh puteshestvennikov i uchenykh XVIII veka* [Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the 18th century]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1968, 247 p. (in Russian)
6. Zuev A. S., Slugina V. A. *Sherti-prisjagi narodov Sibiri i severa Tsentral'noj Azii Rossijskomu monarkhu v kontse XVI – nachale XVIII v.: issledovanie i materialy* [Shert-oaths oaths of the peoples of Siberia and the North of Central Asia to the Russian monarch allegiance in the late 16th – early 18th century: research and materials]. Novosibirsk, RITs NSU Publ., 2023, 560 p. (in Russian)
7. Zuev V. F. *Materialy po etnografii Sibiri XVIII veka (1771–1772)* [Materials on the ethnography of Siberia of the 18th century (1771–1772)]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk SSSR Publ., 1947, 96 p. (in Russian)
8. *Istorija literatury Urala. Konets XIV–XVIII vv.* [A History of Ural Literature. Late 14th–18th century]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2012, 608 p. (in Russian)
9. Müller J. B. *Nravny i obychai ostjakov* [The manners and Customs of the Ostiacks]. Khanty-Mansijsk, Istoricheskaja illyustratsija Publ., 2003. (in Russian)

10. *Narody Zapadnoj Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety* [The peoples of Western Siberia: Khanty, Mansi, Selkupy, Nency, Jency, Nganasany, Keta]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 804 p. (in Russian)
11. Novitskij G. I. *Kratkoe opisanie o narode ostjatskom: 1715* [A brief description of the Ostyak people, 1715]. Novosibirsk, Novosibgiz Publ., 1941, 108 p. (in Russian)
12. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsijam Rossijskoj imperii* [Travel to different provinces of the Russian Empire]. Saint Petersburg, Typography Imp. Akad. Nauk Publ., 1788, pt. 3, vol. 1, 634 p. (in Russian)
13. *Pervyi issledovatel' Sibiri D.G. Messerschmidt: Pis'ma i dokumenty. 1716–1721* [The first explorer of Siberia D.G. Messerschmidt: Letters and documents. 1716–1721]. Saint Petersburg, Nestor-istorija Publ., 2019, 310 p. (in Russian)
14. Pypin A.N. *Istorija russkoj etnografii*. Saint Petersburg: Typography M.M. Stasyulevicha Publ., 1892, vol. 4: Belorussija i Sibir', 488 p. (in Russian)
15. Tokarev S.A. *Istorija russkoj etnografii. (Dooktjabr'skij period)* [The history of Russian ethnography. (Pre-October period)]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 453 p. (in Russian)
16. Khelimskij E. A. Severo-zapadnaja gruppa finno-ugorskikh jazykov i ee substratnoe nasledie [Northwestern group of Finno-Ugric languages and its substratal heritage]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2006, vol. 3, pp. 38–51. (in Russian)
17. Shipilov I.A. *Akademicheskie ekspeditsii XVIII veka: rol vspomogatelnogo personala v izuchenii Sibiri* [Academic expeditions of the XVIII century: the role of support personnel in the study of Siberia]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2023, 368 p. (in Russian)
18. Elert A.Kh. *Narody Sibiri v trudakh G.F. Millera* [The Peoples of Siberia in G.F. Müller's works]. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ., 1999, 240 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Шипилов Илья Александрович
 научный сотрудник, сектор археологии
 и источниковедения
 Институт истории СО РАН
 Россия, 630090, г. Новосибирск,
 ул. Николаева, 8
 e-mail: shipilof@yandex.ru

Information about the author

Shipilov Ilya Aleksandrovich
 Research Scientist, Sector of Archeography
 and Source Studies
 Institute of History SB RAS
 8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090,
 Russian Federation
 e-mail: shipilof@yandex.ru

Статья поступила в редакцию **14.12.2023**; одобрена после рецензирования **15.01.2024**; принята к публикации **25.01.2024**
 The article was submitted **December, 14, 2023**; approved after reviewing **January, 15, 2024**; accepted for publication **January, 25, 2024**